

О протографе Олонецкого сборника

Alina Alekseeva (Moscow)

About Protograph of the Olonetsky Sbornik

Резюме. В статье рассматривается Олонецкий сборник заговоров XVII в. (БАН, 21.9.10). Ранее высказывалось мнение о том, что писцы, работая над сборником, фиксировали преимущественно тексты устной традиции — для других сборников XVII—XVIII вв. это нехарактерно. Однако при помощи кодикологического, текстологического и лингвистического анализа это предположение можно скорректировать. Во-первых, отмечается большое количество ошибок стадий прочтения и запоминания, что свидетельствует о наличии протографа. Во-вторых, воздействие рукописной среды отражается на структуре и организации некоторых записей. В-третьих, в обеих частях рукописи присутствуют записи с двумя типами синкретизма форм Р.—Д.—М. ед. с исторической основой на *ā, что может быть объяснено только наличием письменного источника. Таким образом, Олонецкий сборник, включая в себя тексты генетически устного происхождения, имеет севернорусский протограф или протографы.

Ключевые слова. Олонецкий сборник, рукописные заговоры, текстология, севернорусские говоры, фольклор.

Abstract. The article deals with the Olonetsky sbornik of charms of the 17th century (Library of the Russian Academy of Sciences, 21.9.10). Earlier, an opinion was expressed about the work of scribes that they were fixing mainly texts of oral tradition, which is not typical for the 17th—18th c. collections. However, using codicological, textological, and linguistic analyses, this assumption can be corrected. First, there is a large number of errors of the reading and memorization stages that indicates the presence of a protograph.

состояло из четырех стадий: чтения, запоминания, внутреннего диктанта и воспроизведения на письме — каждая из которых сопровождалась специфическими типами ошибок [см.: Лихачев 2001: 69]. Если искажения двух последних операций могли появиться и без визуального контакта с источником (например, когда писец работал под диктовку¹ или писал самостоятельно), то ошибки чтения и запоминания достаточно надежно свидетельствуют о взаимодействии с антиграфом².

Среди наиболее показательных искажений первой стадии следует назвать порчу текста, которая возникла из-за «прыжка от сходного к сходному» или «перескока» с одной строки источника на другую, что отражается в апографе в виде повторного написания слова, фрагмента или, напротив, их пропуска (отсутствие одного из тождественных слогов Лихачев относит к ошибкам письма). Удвоенные написания действительно обнаруживаются на страницах ОС в №№ 15, 21, 75, 101а.

«Прыжок от сходного к сходному» приводит также к возникновению особого типа помарок, которые появляются следующим образом: книжники переносят неправильные слова, затем зачеркивают их, а рядом записывают другие (не в качестве приписок), что свидетельствует о внесении моментальной правки. Такое явление отмечается в записях №№ 3, 18, 35, 54, 56, 101б, 103, 104 — при этом в трех случаях во второй части рукописи неверное написание располагается симметрично под или над правильным (№№ 54, 101б, 103), что, в свою очередь, может указывать на антиграф или антиграфы того же формата (8°). Приведем в пример фрагмент из записи № 101б (л. 34):

¹ Подчеркнем, что ошибки слуха (оглушения, озвончения и т. п.) невозможно отделить от ошибок внутреннего диктанта, во время которого в текст проникает произношение писца, следовательно, мы не можем трактовать наличие подобных погрешностей как аргумент, свидетельствующий в пользу записи под диктовку.

² Здесь, однако, следует уточнить, что некоторые ошибки Лихачев интерпретирует двояко: например, пропуск слова, слога или буквы может произойти как во время чтения, так и во время письма — поэтому в работе мы рассматриваем наиболее убедительные типы искажений.

пришиваетъ золотоу иглоу и золотоу
нитью кро(в) у раба Б̄жия М нутре(н)ною
и серде(ч)ною, и жи(л)ною, и порѣзною, и всякую
се(р)де(ч)ною недужную³.

Записав *всякую*, книжник перешел на другую строку, собираясь продолжить текст, но «палец соскользнул» на строку выше, поэтому в ОС появилось еще одно написание *се(р)де(ч)ною* — сразу же исправленное.

Более сложной задачей является определение лакуны в текстах такого рода⁴, поскольку зачастую мы не имеем параллелей и можем только догадываться, что могло быть написано в том или ином месте. Однако можно с уверенностью предполагать наличие пропуска в №№ 60 и 88, в которых употребляется конструкция «яко/како... тако», утратившая второй член. Например, в № 60 (л. 25): *я(к)же возвра(ти)[ш]а двѣцу во гра(д) Евес во сво(и), стѣ(и) Авидан(н)нѣ, [А]врааме и Авини, Исаче, свяжы... — ср. с текстом из служебника нач. XVI в.: *якоже есте милосердіемъ Божиимъ възвратили двѣцию въ градъ свой Едесъ, тако и нынѣ святіи тріе исповѣдници, Гуріе, Самоне и Авиво, и Авидане, и Аврааме и Авеній, чюдо свое сътворите къ вамъ съ вѣрю приходящимъ, гибѣльникомъ помозите, виноватыхъ обличите, гортани шкодникомъ затворите* [РИБ 1908: 307—308]. Заговор № 88 (л. 31 об.) и вовсе завершается на словах: *ка(к) кнзи и боярь... не могу(т) противітися... противо М̄три Г(с)дни Прч(с)то(и) Б(д)цы Пр(с)нодвы Мри[i]* — что может свидетельствовать об утрате листа или листов (текст № 89 начинается с верха л. 32)⁵. Довольно показательны и сбои во фрагментах, построенных на по-*

³ Здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной орфографии. Выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках, не читающиеся — в квадратных. Буквой «М» обозначено сокращение писца «имярек».

⁴ Мы имеем в виду самостоятельные слова — пропуски предлогов и союзов относятся к ошибкам стадии письма.

⁵ К сожалению, не представляется возможным установить, где недостает листов: в протографе или в ОС, т. к. после проклейки внутренних сторон листов последнего в ходе реставрации нач. XX в. состав тетрадей не определяется.

вторении. Например, в записи № 78 (л. 28 об.—29), скорее всего, пропущена часть текста, завершающая каждую клаузу (в цитате повтор выделен подчеркиванием, а вероятная лакуна обозначена знаком вопроса):

ка(к) лежы(т) мѣдь и желѣзо, не имѣю(т) в себѣ ни щепоты, ни бользни ни в ко(с)те(х), ни в мо(з)гѣ(х), ни в с(у)ставе(х), та(к) бы а(з), ра(б) Бжїи М⁶, не имѣ(л) в собѣ ни бользни, ни щепоты ни в косте(х), ни в мо(з)гѣ(х), ни в суставе(х); ка(к) звѣри в морѣ не имѣю(т) в собѣ ни щепоты, ни бользни [?], та(к) бы а(з), ра(б) Бжїи М, не имѣ(л) бы в со[бѣ] ни щепоты, ни больз(з)ни ни в ко(с)те(х), ни в мо(з)ге(х), ни во всть(х) суставе(х).

Определенно, пропуск имеется в записи № 57 (л. 23 об.): *путь ты(н) желѣзн[ои] кру(г) моего скота*, — где отсутствует глагол, обозначающий желаемое действие (например, *встанетъ*). По-видимому, какая-то порча находится во фрагменте из записи №116б (л. 39):

пригожае(т)ся то яйцо ко всякому недугу члѣ(с)кому, и к ура(зу), и щепоти, и поиде(т) о(т) то(г) яйца по встьмъ сустава(м) и по встьмъ жиламъ члѣчески(м) сему рабу Бжїю М на (з)дравие, а морю на слѣу, а мнѣ на памя(т) —

поскольку здесь не указано, что пойдет от яйца по суставам и жилам. Если здесь употребляется конструкция, сходная с той, что находится в № 116в, то мы также можем предполагать результат изменения под влиянием рукописной среды (л. 39): *пригожае(т)ся то сало ко всяко(і) при(т)чи: и к мертвои и живо(і), и к вода(н) ному и к льшему, и поиде(т) то до(б)рое сало по встьмъ суставамъ и по встьмъ жила(м) и улуса(м) члѣческимъ.*

К ошибкам первой стадии относится и переосмысление текста, возникшее в результате неправильного прочтения. В ОС обнаруживается как минимум один показательный пример такого искажения: *Гдї, бл(г)вї, о(т)ца мое(г) млтва(мі) и кра(с)на(г)* (вместо «крестнаго»). — А. А.) *о(т)ца и мтри* (№ 19, л. 9 об.).

Если употребление синонимов, перестановки и вставки новых слов, которые относятся к ошибкам стадии запоминания [см.: Лихачев 2001: 76—77], практически невозможно определить,

⁶ Так в рукописи сокращается «имярек».

не располагая другими списками, то наличие вторичных записей, восстанавливающих лакуны, сразу бросается в глаза. В ОС обнаруживается несколько приписок разного объема в записях №№ 5, 25, 26, 30, 52⁷, 78 и 105. К ошибкам этого этапа, как кажется, можно отнести помарки из записей №№ 18, 35, 54, 121 и 122, в которых писцы начинали записывать неверное слово (в целом, довольно логичное в контексте), затем зачеркивали его и употребляли другое, как если бы сверялись с источником. Проиллюстрируем на примере из записи № 122: *не мочно тѣ(х) гѣ брато(в) добы(тѣ) ни стару(му) ни младу ста(р)цу, ни молодому моло(д)цу* (л. 43об.), — книжник изначально написал *ни стару, ни младу*, затем, увидев продолжение в виде *ни молодому моло(д)цу* зачеркнул последнее слово, а к *стару* добавил выносные буквы -му, сделав из него уже неактуальную членную форму прилагательного.

Интересные данные можно получить при изучении структуры заговоров. Выше мы упоминали о трансформации отдельных фрагментов, однако бытование в рукописной среде может отразиться и на организации заговоров в целом. Так, наблюдения над записями №№ 117 и 125 показали, что ранее они находились в составе одного текста (№ 125 — начало, № 117 — продолжение), механически разъединенного до фиксации писцом ОС (подробнее об этом см.: Алексеева 2017а: 4—6). Этот факт позволяет прийти к следующему выводу: записи №№ 117—125 имеют общий письменный источник, включающий в том числе два текста на карельско-вепском языке. При этом между рассматриваемыми записями находятся заговоры №№ 123 и 124, также преобразившиеся в результате длительного переписывания (скорее всего, прежде существовали как минимум два заговора: один от недругов, второй от падения деревьев, — которые в какой-то момент слились, а затем были заново разъединены [см.: Алексеева 2017а: 6—7]). С другой стороны, маркером текстов, распростра-

⁷ Добавление в № 52 (л. 21 об.), отмеченное в издании как не поддающееся прочтению [РЗРИ 2010: 113], удается разобрать — в цитате оно выделено подчеркиванием: *мы ве(т) куемъ от раба Бжия М и его дво(ра) и(л) о(т) его лоша(де) имя(р), куе(м) крюки желтьзные и палицы желтьзны(и), крукамы ва(с) закрючи(м), паличми убьемъ.*

няющихся рукописным путем, можно считать глоссы и интерполяции — две вставки, «вросшие» в текст заговора обнаруживаются и в ОС, в записи № 21 (имя Анна) [см.: Алексеева 2017б: 93—94]. Еще один случай изменения текста под воздействием рукописной традиции обнаруживается в тексте № 3, который ранее представлял собой две самостоятельные записи: для того чтобы узнать будущее/прошедшее и для излечения от болезни [см.: Алексеева 2018].

Итак, рассмотренные случаи трансформации текста распределяются по группам следующим образом:

Табл. 1

	1-й писец (л. 1—17 об.)	2-й писец (л. 18—46 об.)
ошибки чтения	№№ 3, 15, 18—19, 21, 23, 35	№№ 54, 56, 57, 60, 75, 78, 88, 101а—101б, 102—104, 116б
ошибки запоминания	№№ 5, 18, 25, 26, 30, 35	№№ 52, 54, 78, 105, 121—122
структурные особенности	№№ 3, 21	№№ 117—125

2. Морфологическая гетерогенность. Не меньшую ценность при исследовании рукописных памятников имеет лингвистический анализ. Восточнославянским говорам свойственно употребление нескольких систем соотношения форм Р.—Д.—М. ед. существительных с исторической основой на *ā. В говорах генетически новгородского типа отмечается совпадение этих форм — падежный синкретизм, — формирование которого подробно описано Е. А. Галинской [см.: Галинская 1991].

Судя по данным памятников письменности, унификация Р.—Д.—М. ед. мягкого и твердого типов осуществляется в древненовгородском диалекте до XI в., что приводит к образованию синкретичной формы с флексией *-ŕь*. Новый тип падежного синкретизма (с флексией *-ы/-и*) формируется под влиянием фонетического перехода [ê] > [i], прошедшего в се-

Табл. 2

Группа	1-й писец	2-й писец
№ 2. Синкретизм старого типа	№№ 12, 34	№№ 41, 107
№ 3. Синкретизм нового типа	№№ 7, 18	№№ 59, 73, 81, 93, 96, 98, 100, 104, 125
№ 4. Одновременное, но не этимологическое употребление флексий	№№ 10, 21	№№ 106, 121, 111, 124

Как видно, в обеих частях рукописи чередуются тексты со старым и новым типами синкретизма, которые не могут сосуществовать одновременно в узусе одного писца. Отдельного комментария требуют примеры из группы № 4. В записях №№ 21, 106, 121, 111, 124 диалектное окончание *-ы* употребляется в Д.—М. ед. на фоне других, этимологически правильных окончаний, — т. е. в книжный по этому параметру текст попадает реальное произношение писца ОС или его протографа; см., например, в № 106 (л. 35 об.): этимол. *в се(и) избе, в храмине* vs. синкретичн. *на хороминь, в сеи избы, в головы*. В записи № 10 (л. 7), напротив, обнаруживается параллельное употребление двух синкретичных флексий (*-е* в Р. ед. соседствует с *-ы* в М. ед.): *по(д)ле то(и) ступе* vs. *в ба(и)ны*, — что также связано с наличием нескольких языковых «пластов». Не исключено, что источник этой записи значительно древнее, чем ОС.

Заключение. Заговоры с «маркерами» книжности составляют всего 30,5 % и 23,4 % от общего числа записей в каждой части рукописи, однако следует обратить внимание на то, что эти тексты рассредоточены по всей рукописи. Исключение составляют лишь два достаточно больших блока: №№ 6—20 и 36—51, — но внутри первого находятся тексты с двумя типами синкретизма (№№ 7, 10, 12), а внутри второго — один из двух примеров упо-

ОЧ 2002 — Отреченное чтение в России XVI—XVIII веков. М., 2002.

РЗРИ 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII —первой половины XIX в. М., 2010.

РИБ 1908 — Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1998.

Сведения об авторе: Алина Сергеевна Алексеева, Институт славяноведения РАН, аспирант; e-mail: alevtina.sergeevena@gmail.com

About the author: Alina S. Alekseeva, The Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, graduate student; e-mail: alevtina.sergeevena@gmail.com